

Иван ЛЕМЕШЕВСКИЙ,

*декан факультета
международных экономических
отношений БГЭУ,
доктор экономических наук*

ОТ ПОЛИТИКИ ФИНАНСОВ К ЛОГИКЕ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

**Нынешняя налоговая система не оставляет
шансов для развития производства**

Наследство, чаще всего, не выбирают. Тем более, историческое наследство. Действительно, современная структура экономики Беларуси во многом не соответствует национальным интересам. Ресурсоемкое производство, неоправданно высокая специализация промышленности и сельского хозяйства, зависимость от поставки большинства сырьевых и энергетических ресурсов обрекли республиканское хозяйство чуть ли не на вымирание.

И все же не здесь спрятана основная «болевая точка». Прежде всего, это высокая материалоемкость и энергоемкость ВВП. В условиях административной системы многое компенсировалось низкими ценами на ресурсы, поставляемые из общесоюзного фонда. Сложилось своеобразное разделение труда в сфере финансов: одни республики дотировали добывающие отрасли, другие, перерабатывая ресурсы, аккумулялировали налог с оборота по потребительским товарам. Низкая эффективность компенсировалась

за счет прямого снижения жизненного уровня населения.

Суверенизация республиканских бюджетов обозначила конец подобной распределительной системы.

Годы советской власти доказали, что экономика «военного коммунизма» обречена на тотальный дефицит. Суверенные республики, стремясь наполнить местный рынок, стали вводить таможи, жестко контролировать товаропотоки. Первыми подобные шаги предпринимают те республики, где сложился удельный вес производства группы «Б». Вслед за этим появляются одноразовые и т.п. талоны и купоны, потребительские карты, что вплотную приблизило к введению национальных денежных единиц. Осознание национальных интересов заставило размещать заказы, включая и оборонные, на местных предприятиях. Уже рыночные мотивы заставляют искать более близкого, надежного и более дешевого поставщика. Ограничение платежеспособности — обходиться меньшими объемами зака-

зов. Оказалось, что если издалека везти металл, из него 30—40% отправлять в отходы, а качество продукции будет желать лучшего, то можно оказаться у разбитого корыта. И, наоборот, имея валютное сырье или дефицитное продовольствие, есть смысл потребовать мировую цену, чтобы купить затем нужный товар по качеству мирового уровня в любой точке всемирного хозяйства.

В этих условиях пакет преобразований национальной экономики должен был включать:

- проведение радикальной экономической реформы, быстрое освоение «рыночной технологии»;

- осуществление решительных структурных сдвигов с ориентацией, прежде всего, на внутренние потребности национальной экономики;

- внедрение ресурсосберегающей технологии, уменьшение удельного веса энергоемких, материалоёмких и т.д. производств;

- преодоление или смягчение сырьевой зависимости, закрепление на новых экспортных рынках; создание в республике запасов стратегического сырья, используя некоторые возможности рублевого пространства;

- создание максимума условий для развития предпринимательства, рассматривая экономическую свободу как главный фактор экономического роста.

Избранный курс предполагал прежде всего продление существования уже отжившей экономической системы. В итоге — резкий спад производства дополняется энергетическим, сырьевым, финансовым, денежно-кредитным кризисом. Административно-командная система успела проявить себя в особой разновидности «экономики абсурда», когда при спаде производства нет соответствующего снижения потребления материальных ресурсов; при значительной недогрузке мощностей нет безработицы, а при росте убыточных производств нет публичных банкротств.

У АКС еще были определенные возможности для маневра. Она сумела профинансировать себя за счет снижения жизненного уровня населения, обеспечения денежных сбережений широких слоев на-

селения, а также оборотного капитала предприятий, за счет эмиссии денежных средств, наконец внешних кредитов. За счет этого был создан огромный кризисный потенциал на ближайшую перспективу.

Ныне многие государства смело допуская дефицит госбюджета. Последний в состоянии стимулировать совокупный спрос, обеспечивая и экономический рост, и макроэкономическое равновесие. Но такой прием лишен всякого смысла в «экономике дефицита».

Ожидаемый дефицит в 20% расходной части можно рассматривать как деструктивный. Подобное вмешательство правительства в экономические процессы резко отклоняет от оптимума материальные и денежные потоки. К тому же для покрытия госбюджета не используются известные во всем мире цивилизованные методы (продажа ценных бумаг, валютных резервов и т.д.) денежно-кредитная эмиссия. Эмиссионный характер финансирования государственных расходов выступает в Беларуси как основной инфляционный фактор.

Формально можно сказать, что причиной дефицита госбюджета является недобор государственных доходов из-за спада производства. Но реальная причина — это чрезмерное вмешательство правительства в экономические процессы, низкая эффективность государственных расходов. За счет госбюджета содержится огромный аппарат чиновников. Сохраняются значительные субсидии и дотации убыточным предприятиям. Низка отдача государственных капитальных вложений.

В дорогом удовольствии превратилось содержание крупнейшей в Европе армии. Нет должной финансово-экономической отдачи от конверсии. Последняя все более напоминает комплекс ритуальных процессов с весьма сомнительным результатом. Но основная проблема в том, что нынешняя структура госрасходов консервирует прежний тип системы хозяйствования. По существу утрачено бюджетное воздействие на экономические процессы. Эмиссионный характер покрытия дефицита госбюджета обесценивает в конечном счете все меры по социальной защите населения.

Ведь дораспределяется не продукт, а печатная продукция в виде денежных знаков. Все чаще правительство прибегает к секвестированию государственных расходов, когда откладывается выплата пенсий, зарплаты, а также оплата госзаказа, сельхоззаготовок и т.д.

Новому кабинету не избежать проведения жесткой ревизии государственных расходов. Общим ориентиром здесь должна выступать прежде всего эффективность расходов государства при финансировании конкретных программ и направлений. И еще один общеэкономический ориентир — это резкое сокращение денежно-кредитной эмиссии. Вслед за сокращением в национальной экономике совокупного спроса это вызовет определенный спад производства за счет малоэффективных и убыточных производств, изменения потребительских предпочтений. Значительная часть скрытой безработицы, разворачивающейся сегодня трудовые коллективы, перейдет в открытую форму. Здесь обозначается рубеж «шоковой терапии», на котором вполне вероятны и определенные социальные потрясения. Но если этот процесс будет дополнен демополизацией производства, программой поддержки малого и среднего бизнеса, разгосударствлением экономики, а также продуманной программой санации и приватизации убыточных предприятий, то впереди — подъем производства, обострение конкуренции на рынке продавца, снижение издержек производства за счет его рационализации и повышения эффективности.

Пока же на 1994 год закладывается дефицит бюджета около 5 триллионов рублей, что эквивалентно примерно 1 млрд. долларов США.

Подобная ситуация свидетельствует и о неэффективности налоговой системы. Последняя оказывает дестимулирующее воздействие на экономические процессы, что подтверждается нарастающим спадом производства. Она же создала особые предпосылки для ухода части бизнеса в теневой наличный оборот, расширила поле «теневой экономики». Оказавшись неконкурентоспособной в национальном масш-

табе, она породила бегство капитала в денежной и товарной форме за границы национальной экономики.

Возьмем такой пример. Предположим, структура стоимости товара выглядит так: $I_c + I_y + I_m$. По линии зарплаты или необходимого продукта налоговый пресс в условиях РБ включал: соцстрах — 40,8%, фонд занятости — 1%, чрезвычайный налог — 18%, внебюджетный фонд — 5%, добавленная стоимость — 25%. Мимо данной части стоимости не проходят и 3% фонда регулирования розничных цен. Итого получаем — 92,8%. Из «готового» рубля зарплаты государство изымает также подоходный налог (к примеру 12%). В итоге получаем, что на 88 пунктов необходимого продукта приходится 104,8 пункта вычетов в пользу бюджета. Означает это, что в стандартных условиях только по линии зарплаты государство изымает весь прибавочный продукт. Но на долю прибавочного продукта претендует еще налог на прибыль, на добавленную стоимость и т.д. Ситуация конечная такова — нынешняя налоговая система не оставляет шансов для развития производства. Она существует во многом за счет превышения цен над стоимостью по всем видам основных товаров, раскручивая маховик инфляции и обслуживая «экономическую абсурда». Изымая прибавочный продукт, правительство оставляет экономику без будущего.

Если раньше ставки налога на социальное страхование были на уровне 5,5—7,7%, то как объяснить их почти 6-кратный рост (40,8%)? И почему в Беларуси они должны быть выше, нежели в России или в Прибалтике? Значительные сомнения вызывает и шкала налогообложения личных доходов, где вслед за прогрессивной направленностью предусмотрена предельная норма в 60%. Опыт цивилизованных стран свидетельствует, что уже при приближении к отметке в 40% подавляется предпринимательская активность у одних людей, и усиливается стремление скрыть истинные суммы сверхдохода — у других.

Современное обнищание народа, когда около 90% уже отделены или

находятся на границе нищеты, не позволяет разделить радужные иллюзии о сохранении возможности для населения выступить в роли инвестора. Единственное, на что сегодня способен трудовой люд — так это разделить бездарно используемое госимущество. Действительно, остатки средств во вкладах растут, но примерно в 10—15 раз медленнее, нежели рост рыночных цен. Они же значительно отстают и от роста зарплаты. Приближение «склонности населения к сбережениям» к нулевой отметке означает полный крах финансово-инвестиционной системы. Потому что в нормальной экономике как раз сбережения «домашних хозяйств» являются основным источником на рынке капитала. Можно за счет рынка особых государственных ценных бумаг и т.д. мобилизовать удерживаемый населением массив сбережений в СКВ (примерно 300 млн. долларов США), предусмотрев выплату процента также в СКВ, функционирование вторичного рынка ценных бумаг, их свободную конвертируемость в стоимость приватизируемых объектов и т.п. Но для реализации данной программы нужно, помимо специальной инвестиционной инфраструктуры, чтобы правительство имело кредит доверия. А это уже вряд ли достижимо.

Нет возможности и желания выступать активно в роли инвестора и со стороны предприятия.

Во-первых, галопирующая инфляция непрерывно обесценивает амортизационные отчисления, а также и соответствующие фонды развития. Что касается банков, то известно их негативное отношение к долгосрочному кредитованию. В экономике Запада обновление активной части основного капитала происходит в среднем за 5—7 лет. Темп задают НТР и конкуренция. В наших условиях при сложившихся нормах амортизационных отчислений и реальной ценности накопленных в целом этот процесс для определенного предприятия растягивается на 80—140 лет. При этом нужно учесть уже имеющийся высокий удельный вес износа оборудования (50—60%).

Во-вторых, потеря контроля над динамикой зарплаты или доходов

привела к тому, что в фонд оплаты труда активно переводится определенная часть прибавочного продукта.

В-третьих, идея приватизации создает стимул уже в данный момент, через текущее потребление, изменять динамику и объемы присвоения в пользу существующих трудовых коллективов. Дальнейшая неопределенность в отношении приватизации лишь усугубляет ситуацию.

В-четвертых, отсутствие реальных рыночных преобразований и рыночной конкуренции не позволяет заглядывать в завтрашний день, усиливает потребительские настроения и экономический эгоизм.

Сегодня все сильнее слышны призывы Национального банка (НБ) к каждому предприятию создавать «механизм финансового самообеспечения», когда предприятия уже не будут заглядывать в заемную или государственную кассу. Это напоминает известные перестроечные лозунги о «самофинансировании». Теоретически это связано с непониманием стратегов из НБ закономерностей и специфики «асинхронной инфляции». Так, каждый раз, продав товар, производитель сталкивается (при определенной массе оборотного капитала) с необходимостью закупать исходное технологическое сырье и т.п. по более высокой цене. Особенно это разрушительно проявляется у производств сезонного характера (сельское, лесное хозяйство и т.д.). Имеет место не проедание капитала, а его инфляционное обесценение при прямом участии НБ.

Несколько слов о самой инфляции. Действительно, имеют место инфляция предложения (спад производства), инфляция издержек производства (бесхозяйственность, рост цен на сырье, индексирование амортизации при переоценке фондов, рост зарплаты и т.д.), а также «импортируемая инфляция» за счет роста цен на импортные товары и сырье.

Но основной фактор инфляции или ее разновидность — это инфляция спроса. Это происходит из-за полной потери правительством контроля над денежными доходами населения, особенно в производственной сфере, хотя и объявлен

период «стабилизации экономики», а также безграничной денежно-кредитной экспансией НБ. Последний превратился в печатный станок правительства. Если в 1990 году на 1 рубль НН ВВИ приходилось лишь 0,8 рубля денежной массы, что считалось очень уж много, то в 1993 году национальная экономика Беларуси вышла на отметку 115,7 рубля. Следует также сделать поправку еще и на возрастание скорости оборота денежной единицы. Обратим внимание и на то, что темпы роста денежной эмиссии в последний период в 2 раза превышали рост цен. Поэтому галопирующая инфляция обеспечена минимум на ближайшие 4—6 месяцев за счет заложенного потенциала. Не случайно гиперинфляция приводит не к достижению макроэкономического равновесия, а к опустошению магазинов. Инфляция дополняется дефицитом, что весьма удобно для первоначального накопления капитала в «теневой экономике».

Согласимся: экономическая реформа запаздывала. И многие параметры финансово-кредитной сферы отражают это отставание. Но видно и другое: мониторинговая политика НБ обслуживала это опоздание, стимулировала инфляционные процессы, оттягивала саму фазу выздоровления, создавала для правительства видимость наличия неисчерпаемых кредитных ресурсов. Поэтому стремление Национального банка представить себя как градусник, который, подобно медицинскому, лишь отражает состояние температуры, но ее не регулирует, должно всячески пресекаться. Де-юре и де-факто НБ несет ответственность за кризис и хаос в денежном обращении.

В отличие от Прибалтики НБ не стал утруждать себя открытием государственных и частных пунктов по обмену твердой и мягкой валюты. По существу без контроля остался и денежный оборот «комков», которые пополняют свои товарные запасы прежде всего на российских просторах, скупая в РБ российские рубли и т.д. НБ пошел, в отличие от России, на взаимозачет задолженности предприятий за счет эмиссии. Пополнение оборотных средств носило исключительно

эмиссионный характер. Теперь же, оказывается, так делать нельзя. За счет эмиссионных кредитов оплачивались закупки зерна, более половины расходов по конверсии.

Давно замечено, что льготное кредитование, как и ценовые субсидии нарушает и не восстанавливает нормальные рыночные ценовые пропорции, вызывает неэффективный перелив ограниченных сырьевых и трудовых ресурсов. Дешевый кредит развращает хозяйствующие субъекты, исключает выход экономики из кризиса даже в отдаленной перспективе, загоняя все ее болезни вглубь.

Много сомнений вызывает и складывающаяся «двухуровневая рыночная банковская система». Реально второй уровень представлен прежде всего 4—5 бывшими ведомственными банками, которые и сегодня придерживаются отраслевой специализации, используя в первую очередь не коммерческий, а государственный капитал, опираясь на соответствующий патронаж крупных государственных чиновников. Лишь несколько мелких и средних банков пытаются за счет собственных усилий стать на ноги в условиях дефицита кредитных ресурсов. Сегодня практически невозможно открыть новый коммерческий банк. Непрерывное повышение размера уставного фонда, всевозможные бюрократические ограничения способствуют монополизации банковской деятельности.

Скрытую роль субсидирования неэффективного производства выполняют отчасти и кредитные ресурсы, которые НБ распределяет среди ведомственных коммерческих банков. Скажите, выгодно ли банку «работать» с нормой ссудного процента ниже уровня инфляции, т.е. с «отрицательным реальным» процентом? Оказывается, выгодно. Нужно лишь правильно распределить цепочку субъектов. Если кредитные ресурсы НБ создает из воздуха, то 20—30% или 60—70% будут вполне приемлемыми для НБ. Получив на этих же условиях кредитные ресурсы, коммерческие банки вполне устроят 120—140% годовых по активным операциям, тем более, что имеется и такой источник кредитов как остаток сво-

бодных средств на счетах клиентов. При уровне инфляции в 800—1200% любая ссуда будет выгодна, если обеспечивается быстрый оборот капитала, а норма ссудного процента значительно ниже. Поэтому среди заемщиков и доминируют торгово-посреднические фирмы. Не случайно инвестиционные долгосрочные кредиты превратились в редкость. Модель движения кредитных ресурсов НБ не сдерживает, а подталкивают инфляционную кривую вверх. Инфляция ставит в тяжелое финансовое положение мелкие и средние банки, так как здесь крайне затруднено накопление капитала, инвестирование в собственное развитие. По существу полноценный доход от кредитной эмиссии имеет не НБ, а низовые коммерческие структуры. Кредитные ресурсы должны продаваться, а не распределяться, обеспечивая при этом положительную процентную ставку.

Вряд ли можно согласиться с тем, что главным генератором инфляции по-прежнему остается сегодня сельское хозяйство, так как значительная часть кредитных ресурсов якобы уходит по этому каналу. Да, снижающаяся эффективность производства вызывает инфляцию издержек производства, что при фиксированных закупочных ценах усиливает потребность в дотациях, в специальных выплатах по восстановлению ценового паритета между городом и деревней и т.д. В остальном сказывается экономическая диктатура города, его лидерство в раскручивании инфляции. При сезонном производстве оборотный капитал села беззащитен перед инфляцией. Лишь за счет льготных кредитов оно в состоянии всякий раз провести посевную компанию, уборку и т.п. В итоге за деревней записывается задолженность под проценты, а сами денежные средства перетекают на счета городских монополистов.

Сегодня трудно объяснить простому человеку столь низкий курс белорусского рубля по сравнению с российским. Причин много. Порой они начинают действовать в разных направлениях. Но для начала все же выделим отклонение паритетов покупательной способности из-за разной национальной налоговой

нагрузки на цену товара, а также рост таможенных ограничений и выход на уровень мировых цен по энергоносителям, сырью и т.д. Геополитические расчеты правительства РБ на особые отношения с Россией очень быстро не оправдались. Ресурсопожирающая экономика не позволяет быстро уменьшить спрос на сырье и т.п., а в конечном счете и на российский рубль. Опережая в рыночных преобразованиях, Россия сумела создать лучшие условия для капитала. В итоге обозначилась утечка в товарной и денежной форме. Задержки в расчетах и прочие простые хитрости следует рассматривать лишь отчасти как легализованную форму миграции капитала, хотя может присутствовать также и вполне понятное желание иметь денежный резерв на рынке сырья и т.п. Низкое предложение рубля из России связано также и с потерей определенной части рынка сбыта для белорусских товаров.

То, что значительная часть рублевой выручки по межгосударственному бартеру, направляемая на закупку энергоносителей и т.п., не участвует в установлении валютного курса, не может рассматриваться как главная причина падения курса рубля РБ. Ибо в противоположном направлении здесь увязывается значительная масса безналичных рублей НБ. Особые проблемы возникают лишь из-за используемой модели клиринга. Низкие цены на энергоносители на внутреннем рынке, что не стимулирует экономию ресурсов, изъятие через госзаказ значительной части продукции и затруднение для отдельных предприятий рублевого обеспечения производства, неэквивалентный обмен из-за декларированных цен на товары из РБ, задержки в платежах со стороны Минресурсов РБ и Росконтракта, несанкционированное взвинчивание цен на энергоносители, затруднение прямого выхода для предприятий на российский рынок — над этими и другими вопросами следует тщательно работать.

Простые рекомендации правительству побыстрее отказаться от межгосударственного бартера, в основе которого заложена идея гарантированных поставок энергоноси-

телей, могут породить новые трудности.

Не следует обольщаться и тем, что низкий курс белорусского рубля стимулирует экспорт товаров. Галопирующая инфляция сводит на нет подобный выигрыш, затрудняя к тому же инвестиционные программы, приобретение наукоемких товаров, усиливает отток ресурсов.

Курс белорусского рубля понижается прежде всего из-за внутренней инфляции, денежно-кредитной эмиссии, вывоза товаров.

Готовность жить и далее в долг при исчерпании внутренних источников финансирования собственных программ заставляет интенсивно налаживать кредитные линии с Западом. За последние 1,5 года долг Западу достиг примерно 0,7 млрд. долларов. Уже сейчас более 50% валютного госфонда идет на обслуживание внешнего долга. Открыв кредитную линию в июле

1993 года на 98 млн. долларов, МВФ по существу профинансировал экономику России, так как значительная часть кредита была использована белорусской стороной для покрытия задолженности по поставкам энергоносителей. Получая товарный кредит на межправительственном уровне, следовало создать специальный фонд инвестирования структурных преобразований так, чтобы выручка от реализации товарного кредита в местной валюте направлялась не в бюджет, а на финансирование специальных программ.

При всех допусках вряд ли стоит широко надеяться, что Запад возьмет на содержание отмирающую экономическую систему. Скорее всего общими декларациями ограничатся и проекты о единой рублевой зоне и т.п. Наш выход — структурная перестройка национальной экономики. Наш метод — радикальная реформа.

ЛЕГЧАЕТ РУБЛЬ, «ХУДЕЕТ ЗАЙЧИК»

Рублевая стоимость доллара с ускорением пошла вверх, и вроде бы, закончилось противоестественное состояние, когда рублевые цены росли, а курс рубля стоял на месте. Версии случившегося разнообразны: банки завершили годовые платежи и не нуждаются в рублях; в России прошли парламентские выборы, и пропагандистская стабилизация рубля теперь не нужна; ЦБ России придержал долларové интервенции в ожидании нового правительства; резко усилились инфляционные ожидания ввиду готовящейся реставрации рублевой зоны путем приема в нее Беларуси и Грузии, потерпевших финансовый крах, а также слухов о том, что российское правительство готово выбросить полмиллиарда долларов на строительство нового административного здания.

Разумнее воспринимать падение курса рубля как естественный процесс в условиях устойчивой двухгодичной послешоковой инфляции со среднемесячным темпом в 20%. Некоторое торможение этой инфляции к концу 1993 года — прямой результат ликвидации рублевой зоны и последующего небольшого уменьшения безвозвратного вывоза ресурсов из России. Однако пока будет продолжаться вывоз, будет продолжаться и инфляция. Отклонения от этой генеральной тенденции могут носить только временный и искусственный характер.

Сегодня обладатели твердой валюты могут вздохнуть облегченно — покупательская способность доллара перестала падать и даже имеет шанс подрасти. И все же, доллары и марки годятся для укрытия денег от инфляции только на короткое время. Курс рубля остается заниженным, поэтому к моменту его стабилизации покупательская способность твердой валюты в России и Беларуси еще должна упасть.